

ДУШЕ ВСЕГО ДВЕНАДЦАТЬ. ВСЕГДА ДВЕНАДЦАТЬ!..¹

Лора Завилянская

Название – строчка из стихотворения, написанного Лорой сейчас, накануне грядущего серьёзного юбилея. Жизнь показывает, что возраст души у многих, особенно у поэтов, с физическим возрастом не совпадает. Лориной душе – двенадцать. Почему выбор пал именно на эту цифру – ведь не ради же рифмы, поскольку подошли бы и почти все последующие до двадцати? Лора объясняет так: «Душа моя осталась такой же, какой была у двенадцатилетней девочки, написавшей своё первое стихотворенье: наивной, доверчивой, восторженной. Как будто её не затронули все горести, выпавшие на её долю на долгом жизненном пути». Заметим, однако, что юношеская романтичность души сочетается у поэта Лоры Завилянской со зрелостью и ясностью ума, философской мудростью размышлений.

Лора Завилянская – кандидат медицинских наук, заслуженный врач Украины, автор более 60-и научных публикаций, лауреат премии В. П. Протопопова. При этом она – признанный поэт, член Союза писателей Москвы, автор стихотворных сборников.

В представленной для публикации подборке стихи расположены в хронологическом порядке, в данном случае они – вехи Лориной жизни. Стихи вместе с её короткими комментариями сложились в автобиографический рассказ, начиная с детства, совпавшего со страшным военным временем, которое для киевлян наступило 22 июня 1941, в первый же день войны.

До семи – обычное счастливое детство. Небольшая коммунальная квартира в пятиэтажном доме на Подоле; со временем из одной комнаты, по маминой инициативе, сделали две маленьких. Родители – мама офтальмолог, папа психиатр – работали. Я ходила к «фребеличке» – так назывались воспитательницы частных детских садов, основателем которых был австрийский педагог А. Фребель.

Была у меня ближайшая подруга Ада, соседская девочка. Её брат написал такое стихотворенье:

У Мусика много сора,
А у Ады подруга Лора.

Я, пятилетняя, очень гордилась тем, что мне были посвящены эти прекрасные поэтические строчки. А в семь лет большое впечатление произвёл на меня мальчик Пепе из «Сказок об Италии», который вдумчиво разглядывал трещины на камнях, вслушивался в тихий трепет лепестков шелковых глициний, следил за игрой бабочек над цветами, подолгу смотрел в прозрачную воду спокойного моря. «Он будет поэтом», говорили люди. «Вот таким должен быть поэт», думала я.

Ада училась музыке. И мы с мамой 22 июня, в воскресенье, тоже отправились в музыкальную школу на вступительный экзамен. Я правильно повторила ритм и спела песенку, меня приняли. Очень довольные, в хорошем настроении мы возвращались домой. По дороге, на мой вопрос, что за шум, мама ответила: «Учебная тревога». Но это началась бомбёжка.

Я горестно помню пустые дворы.
Как будто бы в них выбивают ковры,
Но это не бьют по ковру, а бомбят,

¹ Рассказ и комментарии подготовила к публикации София Кугель

И мамы поспешно уводят ребят.
Куда же отсюда детей уведёшь?
И в сердце копится тревожная дрожь,
И замер под небом испуганный двор,
И страх перед небом во мне до сих пор.

Из-за язвенной болезни отец не подлежал военному призыву. Семье предстояла эвакуация. В институте, где он работал, сказали, что ребёнка посадят на телегу, а взрослые пойдут пешком из города. Отец, зная, что бабушке, его матери, идти будет трудно, от такого предложения отказался. Но немцы приближались и отец, услышав, что формируется эшелон беженцев, предложил начальнику свои услуги как врача. Нас посадили в теплушку. С собой мы взяли только маленький чемодан с недавно купленной для мамы кротовой шубкой. Привезли нас в Актюбинск. Папу приняли на работу главным врачом больницы и поликлиники в Жилгородке при заводе ферросплавов под Актюбинском. Рядом с заводом располагался лагерь для заключённых. Вокруг степь без единого деревца, очень жарко летом, очень холодно зимой. Нам предоставили комнату, дали четыре кровати, стол, четыре стула. Жили впроголодь. Мне показали как-то грушу, но я забыла даже, как выглядит яблоко, а груша - тем более.

Несбыточного в жизни было мало.
Лежало одеяло на полу.
О детской вечерами я мечтала,
Играя в куклы под столом в углу.
Я строила из книг перегородки –
Гостиная, столовая и зал.
Мой старый пупс, поломанный и кроткий,
На четвереньках в «детскую» вползал -
Изысканно-старинное название,
Любовь, благополучие, уют.
Уселись куклы в детской на диване,
И жмых едят, и чай морковный пьют.

Первого сентября я пошла в школу. Детей в Жилгородке было мало, три начальных класса объединили в один. Учительница мне очень нравилась, все её требования я сразу же выполняла, училась на «отлично».

В сорок первом году
В осень медленно двигалось лето.
Вот сентябрь наступил.
Нет тетрадей – ну, что ж, не беда.
Я пошла в первый класс
И писала на старых газетах,
Между строк выводила
Я буквы и цифры тогда.
Жизнь текла и менялась.
В другие одежды рядилась.
Навсегда мне запомнился
Первый и важный урок.
Годы шли. К сожалению,
Многажды мне пригодилось
Обретенное в детстве
Уменьше читать между строк...

В школе давали маленький кусочек чёрного хлеба и совсем крошечный кусочек масла, мы очень были рады такому лакомству. Ко всему привыкаешь.

По детской памяти шагаю...
Была война. Зима была,
И мама, пайку сберегая,
Сухарик чёрный мне дала.
Я к ней приникла потеснее.
Чай, сахарин, сухарь, тепло!
Не знала ничего вкуснее!
С тех пор так много лет прошло...
Об этом часто вспоминаю,
Грызю сухарик невзначай,
Я ничего вкусней не знаю,
Чем сахарин, сухарь и чай.
А годы – словно на витрине.
Там детство явственней всего.
Так жизнь прошла – на сахарине.
Горчит, наверно, оттого.

Пришла весна, степь удивительно преобразилась. Тысячи разноцветных тюльпанов поднялись среди полыни – белые, алые, лиловые, жёлтые, пёстрые и даже почти чёрные. Казахские юноши ходили с цветком в углу рта. Букет собрать было невозможно, хотелось добавлять ещё и ещё... Каждое весеннее утро я видела, как ведут на работу заключённых, вышка охранника была недалеко от нашего дома.

И лестница, и крыша, и перила!
Какой простор для игр и для забав!
Был тёплый вечер. Замок я творила.
Плела гирлянды из цветов и трав.
Я ставила большой букет в коробку
(В ней раньше был яичный порошок),
Своей подруге говорила робко –
Здесь замок мой, ведь правда, хорошо?
Так долго, до зари вечерней ранней,
Играли мы. Таился беспредел.
А утром приходил сюда охранник,
И автомат пустым зрачком глядел...

Я постепенно взрослела. С ужасом узнала правду о Бабьем Яре. Как может понять ребёнок расстрел тысяч людей, виновных только в том, что родились евреями? В Бабьем Яру погибла одна из моих подруг. Много лет спустя я написала об этом.

Стояла пыльная жара
Над отмелью днепровской.
Евреи с раннего утра
Всё шли и шли по Львовской.
Везли в колясках стариков,
Несли грудных детишек.
И каждый из материков
Их шаг тяжёлый слышал.
Всё небо было голубым,
В нём облака белели.
Как жёлтым пламенем своим

На солнце звёзды тлели!
Как заливался пулемёт,
Как наливался жаром!
Всё скорбных душ безумный лёт
Не затихал над ярмом...

Чтобы быть в одном классе с девочкой, с которой подружилась, я перескочила из третьего класса в пятый. Мне было одиннадцать, я полюбила одноклассника. Никому не рассказывала, но постоянно думала только о нём. Замирала, когда встречалась с ним взглядом. И даже писала себе письма от его имени.

В одиннадцать её узнала –
Загадка, тайна, колдовство!
Любовь довольствуется малым -
Увидеть, только и всего!
Сбылось! В то утро повстречала
Я неожиданно Его!
Любовь довольствуется малым -
Коснуться, только и всего!
Я за руку его держала
Под грохот сердца своего...
Любовь довольствуется малым –
Запомнить, только и всего...

В 46-м семья вернулась в Киев, с трудом удалось в прежней своей квартире занять одну из двух маленьких комнат. И ещё долгие годы мы втроём – мама, папа и я – жили в тринадцатиметровой комнатке, так что у стола можно было поставить только один стул.

Я пошла в седьмой класс киевской женской школы, удивляясь нелепости раздельного обучения. Учителя и соученицы встретили меня неприветливо, у Ады были новые подруги, я чувствовала себя глубокой провинциалкой. Иностранных языков в школе Жилгородка нам не преподавали, так что пришлось начать с нуля и догонять одноклассниц, с чем я справлялась с трудом. Но однажды на уроке решила сделать свой перевод на русский первой строфы «Лесного царя» Гёте.

Мне полных двенадцать лет.
Урок немецкого языка.
Придумал строчку поэт,
Прекрасна была строка.
Поджала в тревоге рот
Учительница моя:
- А чей это перевод?
- Мой – отвечала я...

В Киев из Жилгородка вернулся мой прежний одноклассник, в которого была влюблена. Правда, жил он в пригороде, и я с ним не виделась, но чувство любви переполняло меня. Появились неуклюжие любовные стихи.

Смешался голубой с зелёным
В тиши полей.
Весь воздух полон лёгким звоном –
Май на земле!
Огнём цветочным ветви вишен
Вовсю горят,
Весёлый, дымный запах слышен

От свежих гряд.
Огонь и в бликах речки быстрой,
И в блеске глаз!
Горячей белой майской искрой
И я зажглась!
Быть может, пламя в сердце носишь
И ты в своём –
Давай под сенью старых сосен
Гореть вдвоём!

В шестнадцать лет я окончила школу с серебряной медалью, без экзаменов поступила в медицинский институт. И сразу же пришла в редакцию институтской стенной газеты «Крокодил в халате». В редакции были одни мальчики, у меня разбежались глаза и сильно забило сердце. Мне было предложено прочесть какие-нибудь свои иронические стихи. Я, волнуясь, прочла следующее:

Мы в химлаборатории на Чкалова
Зовём газ «газиком», а H₂O «водичкой»
Но разве лишь о носе Бесикаловой
Не скажем с уменьшительной частичкой.
В ответ услышала:
Ваш стих невыносимо нов,
Но всё же вы не Симонов.

Меня приняли в редколлегию. На еженедельных заседаниях обсуждали темы, критиковали стихи. Всё могло послужить поводом для улыбки.

Бегут ручьи. Кричат грачи,
Их щебетом полна природа!
А в общежитии КУБУЧ.
Поймав горячий вешний луч,
Устроили бурлящий ключ
При помощи водопровода...

На четвёртом курсе института я вышла замуж. Муж, уже окончивший тот же институт, получил назначение на работу в поликлинику шахтинского посёлка Привольное на Донбассе. Там и сыграли свадьбу. В поссовет расписываться поехали на подводе, брачное свидетельство я выписала себе сама: у девочки-регистратора был очень плохой почерк.

На шестом курсе, когда нас послали в колхоз на сбор хмеля, я неожиданно обнаружила, что жду ребёнка. Ухитрилась родить в первый день госэкзамена, его перенесли и через десять дней муж с дочкой на руках ждал меня в институтском коридоре.

Институт я закончила с отличием и начала работать в городском психоневрологическом диспансере. Мой трудовой стаж в этом диспансере составил сорок три года. Заведовала отделением неврозов, защитила кандидатскую диссертацию, получила звание заслуженного врача.

У меня профессия странная –
Выбираю слова туманные...
Обещанья порой обманные...
Так и водится – делать нечего –
Утешаю с утра до вечера.
Зов к терпению человечьему...

Подпеваю тихо судьбе я,
То осмеливаясь, то робея,
Воспаряя или слабея...
У людей тоску изымая,
Заражаюсь ею сама я...

Муж мой стал профессором, почётным членом Болгарского общества психиатров, а для меня – горячо любимым другом.

Я тебя издалёка
Замечаю в толпе.
Подхожу, чтобы только
Прикоснуться к тебе.
Я твоей называюсь.
Дня разлуки боюсь.
Я плющом обвиваюсь,
Я барвинком стелюсь...

Пришло время массовой эмиграции евреев из Киева. Вскоре я осталась единственной еврейкой в диспансере. Для меня эмиграция была чужда и нежеланна. Любимой родиной навсегда осталась Украина. Но выросла дочь, вышла замуж, родители зятя настаивали на отъезде.

В саду играл бостонский вальс,
Я поднималась на носочки.
Тогда в седьмой ходила класс,
И мама для подросшей дочки
Отрез бостона на пальто
В универмаге покупала.
Жизнь яркой искрой золотой
На солнце радостно сверкала.
Искательным касаньям рук
Она послушно отвечала...
Я в слове Бостон вещей звук
Не слышала. Не замечала.
А между тем, давным-давно
Здесь пилигримы ночевали.
Ковали цепь – к звену звено,
Мне будущее создавали...

Дети уехали в Бостон, мы с мужем готовились к отъезду. С трудом представляли себе свою жизнь в эмиграции. Был налаженный быт, любимая работа, признание наших заслуг.

Нам снова путь предсказан дальний.
Поспешно вяжутся узлы.
Под белой скатертью крахмальной
Стоят прощальные столы.
Бежим – как Лейб из Голенешти,
Шумим негромко у стола,
А молчаливая надежда
Нас крепко за руку взяла.
Нам страх рисует кистью тонкой
Морщины возле глаз и губ,
А в городских комиссиях

Есть множество дешёвых шуб,
Нет, некого винить в измене.
Исход. Возврат к заре веков.
Тревога и недоуменье
На лицах бывших земляков...

Внезапно из-за остановки сердца в один миг не стало мужа. Дочь приехала на похороны и вскоре увезла меня в Америку. Из вещей, кроме необходимых мелочей, взяли десять томов Чехова. Америка, великая страна, приняла нас гостеприимно, окружила заботой, дала кров. Но всё же привыкнуть к новой жизни было трудно.

Здесь женщины не красят губ,
Здесь небоскрёб – стеклянный куб –
Днём отражает небеса...
Звучат чужие голоса,
Весной магнолия цветёт,
И на манер пчелиных сот
На холм сбегаются дома...
Схожу с холма. Схожу с ума.

Я сразу же поступила в колледж и проучилась пять лет. Вспоминаю эти годы с нежностью и благодарностью. Два семестра музыки – я научилась играть на фортепьяно, два семестра танцев с выступлением на большой сцене, по два семестра живописи и всеобщей истории, изучение языка у Давида Апдайка, сына знаменитого писателя. И ещё много интересного.

Всегда хотелось жить у моря.
Своё гнездо под солнцем вить,
Со сцены петь сопрано в хоре,
И взгляды встречные ловить.
Всё оказалось исполнимо:
Своё гнездо под солнцем вью,
Тресковый Мыс почище Крыма,
И в хоре я теперь пою,
Перепадают даже взгляды,
И удаётся иногда
Согреться сердцем, сидя рядом,
И океанская вода
Ласкает нежно, обнимает,
Луч прикасается к плечу...
И я теперь уже не знаю,
Чего же я ещё хочу?!

Оглядываюсь на свою жизнь, думаю, что в ней было много счастья. О печальном я как-то не вспоминаю. Подхожу к юбилею со множеством стихотворных сборников, изданных в Киеве, Москве, Бостоне. Иногда грущу, чаще радуюсь.

Недавно дождь прошёл косой,
Нетерпеливый...
Вот я люблюсь полосой,
Чертой отлива.
Вот юность бедная моя –
В песке осколки,
Ракушки – острые края,

Наступишь – колко...
Вот зрелость –
Россыпь из камней
Разновеликих,
Шершавых, серых –
Редки в ней
Цветные блики...
Вот старость –
Трав морских гряда,
Да ветер сонный...
А дальше –
Синяя вода,
Она бездонна.

Радуюсь успехам дочери – она психиатр, доктор наук, а кроме того, пять лет заочно проучилась в московском Литературном институте и очень хорошо его окончила. Здесь успешно работает по специальности.

А грущу я беспричинно.

Играла юная волна
Вдали от суши.
Училась истоиво она
Смотреть и слушать.
Видала солнце в синеве,
Полёты птицы,
И даже, думается мне,
Могла молиться.
Был гребешок наряжен, бел,
С оттенком млечным,
Ей ветер непрерывно пел
О бесконечном,
Резвилась, радости полна,
Летя с разбега,
Но вот приблизилась она
Под утро к берегу...
Небесный купол был высок,
И чист, и светел...
И – поглотил её песок.
И – не заметил.

Пришла старость. Но я, как в юности, считаю, что самое главное в человеческой жизни – любовь. Я думаю, что многие полностью или частично со мной согласятся.

На даче – роса и калитка раскрытая,
Колодец, ведро, колесо...

Любовь — это жизнь, в каплю малую слитая.
Любовь — это чудо, и всё!

Ещё я думаю, что возраст моей души вовсе не соответствует юбилейной дате.

За годы жизни не раз уже,
Увы, успела злом запятнаться...
Пусть я состарилась, но душе
Всего двенадцать. Всегда двенадцать!

В заключение — ответы Лоры на несколько житейских вопросов:

- ❖ для меня неприемлема агрессивность в общении;
- ❖ чтобы быть счастливым, надо быть нетребовательным;
- ❖ личные отношения строятся только на взаимном доверии;
- ❖ следует стараться не делать зла и уметь прощать;
- ❖ очень важно не нагружать окружающих своими проблемами, не обременять жалобами – «терпеть несчастья легче самому/ не говоря о горе никому»;
- ❖ мир светлее, если идёшь по солнечной стороне улицы.

Ответы, которые можно считать советами, казалось бы, немудрёные. Но очень полезные, если им следовать.